

Такім чынам, мы можам засведчыць, што Кніга Кніг дала беларускай літаратуры не толькі шматграннасць тэм, вандроўных сюжэтаў і вобразаў, але актыўна паўплывала на станаўленне жанравай разнастайнасці і яе мадыфікацыі. І ў гэтым неацэнная заслуга нашага першадрукара і перакладчыка Францыска Скарыны, выдаўца той слаўтай Кнігі, якая нясе моц і святло і без якой не было б разумення глыбокай духоўнасці, эстэтыкі і філасофіі жыцця. Менавіта Біблія вучыць адрозніваць дабро ад зла і гэтаму ж вучыць нас беларуская паэзія, сцвярджаючы сабой лепшыя ідэалы чалавецтва.

ЛІТАРАТУРА

1. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. — Мінск: Навука і тэхніка, 1992–1995. — Т. 1.: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды, 1992. — С. 140–317.
2. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. — Мінск: Маст. літ., 1995–2003. — Т. 1. Вершы, пераклады 1911–1914. — 1997. — С. 114–115.
3. Барадулін, Р. Збор твораў у 3 т. / Р. Барадулін. — Мінск: Маст. літ., 1999. — Т. 3.: Паэмы. Вершы. — С. 196–183.
4. Гарадніцкі, Я. А. Праблема аўтара ў беларускім літаратурна-разнаўстве / Я.А. Гарадніцкі // Труды БДТУ, Мінск, 2014. — № 5. — С. 140–144.

УДК 801.7(075.8)

Н. И. Шишкина, доц., к. филол. наук
(БГТУ, г. Минск)

ОСОБЕННОСТИ РЕДАКТИРОВАНИЯ ПОВЕСТИ В. КОРОТКЕВИЧА «ЛАДДЗЯ РОСПАЧЫ»

Речь пойдет об известной повести Владимира Короткевича «Ладдзя Роспачы». Жанр ее сам автор определяет как новеллу, а его лучший друг, Григорий Бородулин (которому было посвящено это произведение), называет возвышенной сагой — и не зря. Она рассказывает о жизни белорусского шляхтича Гервасия Выливахи, который не боялся ни Бога, ни Смерти. С последней (Смертью), между прочим, главный герой столкнулся непосред-

ственно — и сумел победить, а главное, не потерять шляхетского — и, в конце концов, человеческого достоинства.

Особую заинтересованность текстологов это произведение вызывает вовсе не своей идеей, а количеством разного рода изменений, сделанных в процессе редактирования. Их было на 23 страницах рукописи 296! Все они отмечены в первом неподцензурном научно-популярном издании 2010 года.

Книга примечательна тем, что она интерактивная: каждый из читателей, разворачивая ее, становится исследователем творчества Короткевича. Текст не «отмотан» к первоначальному варианту — все измененные и вырезанные моменты просто графически показаны в тексте. Чтобы каждый мог решить, что исправлено справедливо, а что — нет.

В книгу включены:

- предисловие Григория Бородулина;
- факсимиле рукописи;
- черновые наброски;
- перевод на русский язык Василя Семухи (факсимиле машинописи с рукописными правками самого В. Короткевича);
- анализ всех правок + комментарии;
- 55 иллюстраций. 27 из которых (в том числе неизвестные снимки Короткевича) печатаются впервые;
- послесловие Василя Семухи.

Впервые «Ладдзя Роспачы» была напечатана в номере журнала «Неман» за 1968 год — по-русски, в переводе уважаемого Василя Семухи. У господина Василя Семухи сохранился оригинальный второй экземпляр того перевода, на котором Владимир Короткевич собственноручно внес правки. Что интересно — редакторы «Немана» практически не коснулись произведения. Более того оставили многую «крамолу», которую после вычеркивали редакторы белорусского текста.

На белорусском языке «Ладдзя Роспачы» вышла в 1978 году в книге «З вякоу мінулых».

Что касается редакторских правок. Их о-о-очень много. После редактирования не «выжил» даже жанр произведения. У ав-

тора — «новелла». В русском переводе она делается «легендой», а в белорусском книжном варианте — «повестью».

В обеих версиях (русской и белорусской) редакторам-цензорам не давали покоя «беларусы» и «беларускія» в тексте, так как это считалось национализмом. Была советская страна с советскими людьми, а Владимир Короткевич в новелле постоянно употребляет слова «беларус», «беларускія», пишет, что главный герой Гервасий Выливаха — белорус. Это был «непорядок». Но у цензоров, видимо, не поднималась рука сделать героя «советским человеком». Поэтому вместо фразы, которую Смерть говорит Выливахе «ты зноў папаўся, беларус ...» мы видим в книге после цензорские правки: «ты зноў папаўся ...» А то, что герой — белорус, практически нигде в произведении не упоминается. Но, между прочим, обратите внимание: в русскоязычном варианте «белорусы» остались!

Таким образом наши цензоры лишали наш же народ мифа. Ведь ясно, что в XVI или XVII веке, когда жил Выливаха, не было такого слова "беларус" и не было такой страны Беларусь. В этом плане Владимир Короткевич выступил как мифотворец, а значит и как нацыоналтворец. Он противостоял всей советской системе, которая разрушала наши мифы, уничтожала наши замки, чтобы люди забыли, чтобы не помнили о бывших сокровищах родной земли. И Владимир Короткевич этому противодействовал. Да, это не совсем правильно, что Гервасий Выливаха был белорусом — он был рогачевцем, жителем ВКЛ, но не белорусом по государственной принадлежности. Но, если мы сами начнем доказывать, что герой не был белорусом — мы лишим нас нациотворческого мифа! И поэтому, на мой взгляд, такая правда — только для исследователей.

Оригінал (1964): «Больш за ўсё не люблю прыходзіць за беларусамі» — кажа Смерць Выліваха.

«Неман» (1968): «Больше всего не люблю ходить за белорусами».

«З вяхоў мінулых» (1978): «Больш за ўсё я не люблю прыходзіць па такіх, як ты».

Вызывает улыбку добродетель советское цензуры. Например, в моменте, когда Выливаха на прощание целует красавицу, которая проходит мимо:

Оригінал (1964): «Падбег да белай танюткай постаці і моцна пацалаваў дзяўчыну ў прыадкрыты рот».

«Неман» (1968): «Подбежал к белой тоненькой фигурке и крепко поцеловал дивчину».

«З вяхоў мінулых» (1978): «Падбег да белай танюткай постаці і моцна пацалаваў дзяўчыну ў прыадкрыты рот».

Некоторые правки полностью изменили смысл выражений.

Оригінал (1964): «...гульні, у якой Смерць была катом, а ён — дурным мышаняткам».

«Неман» (1968): «... игре, где Смерть было котом, а он — глупым мышонком».

«З вяхоў мінулых» (1978): « ... гульні, у якой Смерць была катом, а ён — дурным мышаняткам».

А вот здесь интересно наблюдать, насколько по-разному два редактора переправили один момент.

Оригінал (1964): «Што вы спяваеце, смярдзючы чалавечы кал».

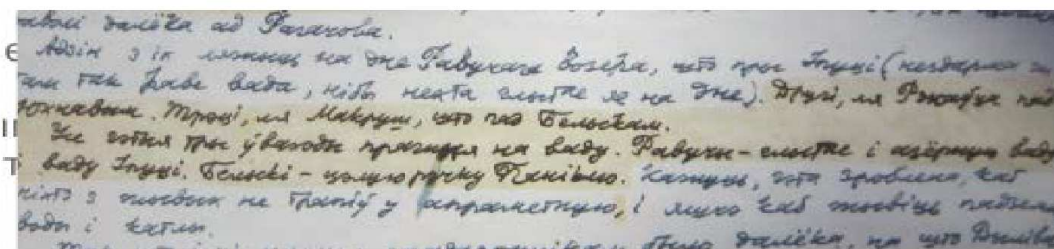
«Неман» (1968): «Что вы поете, несчастные?».

«З вяхоў мінулых» (1978): «Што вы спяваеце, смярдзючы чалавечкі? «.

При редактировании встает вопрос « тайны географии».

Оригінал (1964): «...Бліжэйшыя на беларускай зямлі ўваходы ў пекла знаходзяцца, як вядома, даволі далёка ад Рагачова. Адзін з іх ляжыць на дне Равучага возера, што пры Іпуці (нездарма ж там так раве вада, нібы нехта глытае яе на дне). Другі, ля Ржаўца пад Юхнавым. Трэці, ля Макруш, што пад Бельскам».

«З вяхоў мінулых» (1978): «...Бліжэйшыя ад іх уваходы ў пекла знаходзяцца, як вядома, даволі далёка ад Рагачова. Адзін з іх ляжыць на дне Равучага возера, што пры Іпуці (нездарма ж там так раве вада, нібы нехта глытае яе на дне)».

Чем отличается «Палачанін» от «палачаніна»? Большой буквой! Но редактор белорусского текста в 1978 году явно не увидел здесь разницы.

В «Ладдзе Роспачы» Владимир Короткевич виртуозно поиграл с большими и маленькими буквами. Полочанин, когда появляется в тексте, пишется с маленькой буквы — как «житель города Полоцка». Когда в тексте начинаются диалоги со Смертью, он становится персонажем — и пишется уже как «Полочанин» с большой буквы. А после выхода из ада Выливаха снова становится «жителем города» — пишется с маленькой буквы. Редактор и здесь «не вник» в замысел автора — и все выправил под одну гребенку...

Словосочетанию «Ладдзя Роспачы» Владимир Короткевич также придал символизм. Транспортное средство, который везет бедняг к Смерти, называется «Ладдзя Роспачы». А шахматная фигура, которой Смерть хотела победить Выливаху, — «ладдзя роспачы» (с маленькой буквы). Однако и в этом случае редактором все было исправлено одинаково? ..

Та же история со «Смертью» (персонажем) и «смертью» (действием). Далекое не везде редактору удалось понять эту игру слов...

Надо сказать, некоторые правки редактор явно сделал от недостатка собственного опыта. Яркий пример — момент, когда королева Бона дарит Выливахе на память монету — золотой с изображением своего мужа Сигизмунда (в тексте — Цыкмуна): «І як іншыя супакойваюцца, пазіраючы на божага агнца, так Выліваха, калі ў яго быў дрэнны настрой, выцягваў залаты за ланцужок, назіраў знаёмыя і родныя рысы, чытаў надпіс «Sigis-rhex-rolo» — і яму рабілася лягчэй».

Редактор вычеркнул из этого предложения 2 буквы — предлог «за». И что получилось? Что Выливаха вытаскивал не «золотой за цепочку» (монету), а «золотую цепочку», и далее по тексту — «назіраў знаёмыя і родныя рысы, чытаў надпіс «Sigis-rhex-rolo» — і яму рабілася лягчэй». Пожалуй, это одна из самых

безумных поправок в произведении, которая многое говорит об уровне редактора...

Языковые и стилистические правки — другое дело. Некоторые люди говорят, что Владимир Короткевич несовершенно владел белорусским литературным языком, так как в его семье говорили по-русски, а учился в Киеве вообще по-украински. К тому же, когда Короткевич заинтересовался историей и стал проводить много времени в исторических архивах, он изучил польский язык, стал читать различные летописи и документы по-польски. И от этого в его произведениях попадают русизмы, украинизмы и полонизмы. Вот, например, в новелле он пишет «повень», а редактор ему исправляет на «поўня». Это как раз тот случай, когда правка обоснована, так как «повень» — это украинский вариант белорусского слова «поўні».

Но аналогичная правка в другом месте оказалась не очень удачной. Владимир Короткевич пишет: «Над Ладдзёй пракаціўся згэлк...» А редактор ему исправляет: «Над Ладдзёй пракаціўся крык...». Хотя слово, «згэлк» — это паланизм, но в данном контексте он обоснован, потому что «згэлк» — это нечто более страшное за крик, это крик, полный отчаяния, так как Ладья везет героев умирать.

Кажется, что редактор вмешивался и исправлял даже там, где этого можно было не делать. В результате язык Владимира Короткевича тщательно подгонялся под шаблон, делался «правильным».

Редактор цеплялся ко всему, к чему только можно. Вот, например, Владимир Короткевич через все произведение пишет букву «е» в таких словах, как «касцельный», «абдзершы», «ідзем», — а ему отправляют на «касцёльны», «абдзёршы», «ідзём»; а в другом месте классик наконец написал слово с буквой «ё» («пльвяцё»), а ему исправили на «е»: «пльвяце»! .. Конечно, от такого рода правок содержание произведения не изменилось, слова остались теми же самыми, но были истреблены особенности языка Владимира Короткевича, его речь была подогнана под единственный, «крапивовски» стандарт.

Вот и другие примеры:

цурчэла — цурчала, згэлк — крык, прагучэў — прагучаў, зацурчэла — зацурчала, зямлёй — зямлёю, успершыся — успёршыся, лузаць — лушчыць, дрыжэла — дрыжала...

Редакторы много внимания обращали на идеологические аспекты — а как обстоят дела с историей? И стоило ли обращаться к этому вопросу? Отвечает сам автор:

Но все-таки некоторые вещи Владимир Короткевич стремился уточнить. В первом варианте «Ладдзі Роспачы» произведение начиналось фразой «Жыў сабе год ТРЫСТА назад...». А уже в книге «З вякоў мінулых» 1978 года фраза пачынаецца так «Жыў сабе год ЧАТЫРЫСТА назад...». Выглядит, что Владимир Короткевич специально перед книжным русскоязычным изданием вычитал «Ладдзю Роспачы» еще раз «с карандашом».

Главный герой новеллы «Ладдзі Роспачы» — Гервасий Выливаха — это по сути сам автор. Открытый в мыслях, и в поступках жизнелюб, который «носіць свое неба з собою, дзе звiнiаць беларускія жаўрукі» (что жаворонки белорусские, много раз подчеркивается).

Гервасий Выливаха играет в шахматы со смертью и побеждает ее, так как имеет за правило: «Рабі нечаканае, рабі, як не бывае, рабі, як не робіць ніхто — і тады пераможаш».

Этого как раз придерживался Владимир Короткевич, удивляя XX век.

Гервасий Выливаха — рогочевец, сын известного города Рогачев. Днепр качал его на волнах своих. «Ладдзя Роспачы» — возвышенная сага Беларуси, Рогачевщине, Днепру.

Это, прощаясь с Днепром, отошел в вечность Владимир, сын Семенов, Короткевич.

Отошел, чтобы остаться, чтобы жить!

Из воспоминаний Григория Бородулина: «А мне дасюль светла. Бо помніцца. На цеснай кухні маёй кватэры на Рэспубліканскай вуліцы Уладзімір размашыста чытае «Ладдзю Роспачы». У той час мы шчодро абменьваліся вершаванымі пасланямі, эпіграмамі. А радкі ў гонар несупыннага працалюба ўсё яшчэ ідуць».

Да пытання гістарычнай дакладнасці

— Адкуль узнялася ідэя «Хрыста»?
— З «Хронікі» Стрыйкоўскага. Стопранціт-на гістарычных твораў у мяне няма, — тут Чамірыцкі кінуў рэпліку з залы: «У нікога няма». — Правільна. У Вальтэра Скота, да прыкладу, — дзесяткі апахранімаў. Есць іны і ў мяне. Ніхто не заўважыў, што ў «Ладдзі Роспачы» Сапега ўжо год як памёр да падзеяў. Цень Івана Грознага, на якой вісець дзевяць закатаваных жокак, таксама не магла з'явіцца ў часы Боны, таму што ён тады толькі што нарадзіўся. Мяне цікавіла іншае: два тыпы дэспатызму — італьянскі (вытанчаны, з атрутай) і рускі. Які лепшы? І хто сутыкнуў іх і сабамі? Гервасій Выливаха, звычайны чалавек. Чалавек — не вішні. Ён — двік у рыштаванні, якое ўзводзіцца вакол будынка гістарычнага прагрэсу. Стопранцітная праўда нікому непатрэбная. Мяне цікавіць не гісторыя-сапраўднасць, а гісторыя-анекдот, гісторыя-прытча. Кожны бярэ з яго тое, што яму трэба.

А не ўмеў Караткевіч
Стамляцца ад спраў.
І не быў ён прыгонным
У распусніцы славы.
Князь крывіцкага духу
Вяльможна ствараў
Жыццярыс векавечнай
Крывіцкай Дзяржавы.

Вместо P.S. — Чуточку красоты. Обратите внимание, какой особенный, красивый, понятный был почерк у Короткевича. И какие красивые были большие буквы. Большие буквы большого Короткевича — да, это тоже очень важная часть текстологии.

